

Ф

ДАТЦЕНСКЦЇ

ФИЗИОЛОГ

ПЕРЕВОД К. И ОУТСЕНА

К. Ю. Иоутсен
Латинский Физиолог

«Издательские решения»

Иоутсен К. Ю.

Латинский Физиолог / К. Ю. Иоутсен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967066-3

«Физиолог» — одна из главнейших книг Средневековья. Созданный изначально на греческом языке, этот трактат о природе и символическом истолковании животных, растений и минералов переписывали, переводили и перечитывали от Англии до Московии и от Исландии до Эфиопии. Самой популярной версией была, однако, латинская; отсылки к ней можно обнаружить в религиозной иконографии, геральдике, фольклоре, магии и литературе. В настоящем издании латинский «Физиолог» впервые представлен в русском переводе.

ISBN 978-5-44-967066-3

© Иоутсен К. Ю.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Физиолог и физиология	7
Физиология смысла	10
Физиолог: натурфилософия и символизм	12
Физиология царя зверей	14
Физиолог: версии и переводы	15
Физиолог и бестиарий	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Латинский Физиолог

Переводчик К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки К. Ю. Иоутсен

Дизайнер обложки А. Б. Ленина

© К. Ю. Иоутсен, перевод, 2019

© К. Ю. Иоутсен, дизайн обложки, 2019

© А. Б. Ленина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7066-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Nimirum interroga jumenta, et docebunt te; et volatilia caeli, et indicabunt tibi. Loquere terrae, et respondebit tibi, et narrabunt pisces maris. Quis ignorat quod omnia haec manus Domini fecerit? [Iob 12:7—9]

И подлинно: спроси у скота, и научит тебя, у птицы небесной, и возвестит тебе; или побеседуй с землею, и наставит тебя, и скажут тебе рыбы морские. Кто во всем этом не узнает, что рука Господа сотворила сие? [Иов 12:7—9]

Физиолог – одна из главнейших книг Средневековья. На протяжении почти пятнадцати веков этот совсем небольшой трактат о природе животных, растений и минералов и их символическом истолковании переписывали, переводили и перечитывали по всему европейскому континенту, от Англии до Московии и от Исландии до Эфиопии, а его авторство приписывали, среди прочих, царю Соломону, Аристотелю, святым и Папам Римским. Это первая книга индизказательных христианских истин, цельная аллегория бытия, исполненная глубокого сакрального смысла, где явления природы показаны лишь отражениями как человеческих, так и метафизических добродетелей и пороков.

Ни одно другое сочинение по естественной истории (если считать *Физиолог* таковым), да и вообще ни одна другая книга, кроме Библии, никогда прежде не пользовалась таким успехом, а ее принцип нравоучительного комментирования окружающего мира проник в сущность всего средневекового мировоззрения. Как напрямую, так и косвенно *Физиолог* стал неиссякаемым источником для религиозной иконографии и геральдики, дидактической и народной поэзии, на него ссылались профессора богословия и сельские проповедники, его истории оставили след в фольклоре, магии и литературе от бестиариев до *Хроник Нарнии* и *Гарри Поттера*.

Рассказы *Физиолога* просты и безыскусны, а их моральные уроки были понятны каждому. Именно здесь впервые можно было встретить единорога, отдающегося в руки невинной девы, или пеликана, орошающего птенцов собственной кровью. При этом, соединяя разрыв времен и культур, ничего нового трактат фактически не сообщает – почти все натуралистические сведения без труда обнаруживаются в куда более обширных греческих и римских энциклопедиях, да и сами сведения там порой гораздо любопытнее. Но сложность языка и материала неизбежно ограничивали их доступность, сделав их достоянием узкого круга знатоков, так что, хотя *Физиолог* и редко оригинален, информацию черпали непосредственно из него.

Объективно сочинение это можно считать образцом культурного синтеза, в ходе которого христианство из эзотерического учения небольшой группы единомышленников превращалось в идеологическую систему мирового значения, обладавшую всеми средствами для построения целостного духовного универсума.

Физиолог и физиология

О происхождении *Физиолога* существует множество теорий, но ни одна из них не отличается большой определенностью. Обычно предполагают, что он был написан изначально на греческом языке не ранее середины II и не позднее конца IV века новой эры, в египетской Александрии, этом Нью-Йорке древнего мира, плавильном тигле, где смешивались всевозможные истории самых разных традиций – эллинистической, иудейской, христианской, египетской, индийской. В полной мере эту пестроту демонстрирует и приводимый ниже текст. Его создатель обращает свой взор одновременно в прошлое и будущее, а настоящее он мыслит как путь, усеянный соблазнами. Дьявол многолик и изобретателен, для него любой сомневающийся – легкая добыча, а на пути от грехопадения к Вечности неофитам нужны узнаваемые ориентиры. Так и родилась книга наставлений.

Автор *Физиолога* неизвестен, а сам термин «Физиолог» есть ничто иное, как прозвище автора (подобно тому, как Аристотеля в позднейшие века называли просто Философом), которым – за неимением лучшего – обозначают и само сочинение.

Одни полагают, что Физиолог – это христианский писатель, знавший Библию и святоотеческую литературу, который изначально создавал экзегетику природы, то есть богословский трактат, объясняющий природу с точки зрения христианской доктрины. Для других Физиолог – язычник, автор краткого натуралистического атласа, к которому позднее некий христианский комментатор добавил аллегорические пояснения. В последнем случае возникает неопределенность касательно того, кто из них собственно Физиолог и что такое собственно физиология? И – главное – как тогда рассматривать суть всего этого произведения?

Надо сказать, что сейчас, в современных языках, под физиологией имеется в виду нечто совсем иное, чем в античности, а именно, если не вдаваться в подробности, функционирование биологической системы (организма). Тогда же физиологию рассматривали гораздо шире и в большем соответствии с буквальным значением: *physis* (природа) + *logos* (слово). Первым термин «физиолог» употребил, по-видимому, сам Философ (384—322 до н.э.), имея в виду в одних случаях зоологов, а в других – натуралистов вообще, в том числе и тех, которые размышляли об устройстве Вселенной и происхождении сущего. На эти темы, конечно, размышляли в древности многие, но не все, подобно физиологам, основывали свои рассуждения на наблюдениях природы.

Впоследствии «физиология» претерпела некоторые изменения. Скажем, в работах Цицерона (106—43 до н.э.) и Диодора Сицилийского (ок. 90—30 до н.э.) под ней подразумевалось уже некое тайное, оккультное знание природы, сближавшее «физиологию» с гаданием, магией, богословием. Правда, речь в таких случаях шла обычно об относительно экзотических народах, вроде этрусков или галлов.

В трактате Плутарха (ок. 46—ок. 127) *Об Исиде и Осирисе*, этом позднейшем соединении животного символизма с почти христианской экзегезой, «физиология» не упоминалась, но отчетливо прослеживалась – и на множестве примеров. Согласно Плутарху, египтяне весь свой сакральный символизм основывали на природных феноменах, в которых можно было увидеть эзотерический смысл и сделать выводы о сущности богов. Так, например, крокодила египтяне почитали как живое воплощение бога, поскольку это единственное животное, не имевшее языка, подобно тому, как и Божественное слово не нуждалось в голосе.

В течение первых веков новой эры этот метод под влиянием неоплатонизма получил развитие уже у ранних христианских писателей, вроде Филона Александрийского (ок. 25 до н.э. —ок. 50 н.э.), Климента Александрийского (ок. 15—ок. 215) и Оригена (ок. 185—ок. 254), которые определяли «физиологию» как постижение высших истин через созерцание их земных воплощений (кстати, каждому из них приписывалось авторство *Физиолога*). Невидимые вещи

следовало познавать через видимые, а те, что увидеть вовсе нельзя, – сопоставлять с тем, что на виду: *Верою познаем, что веки устроены словом Божиим, так что из невидимого произошло видимое* [Евр. 11:3]. И так же, как Бог создал человека по своему образу и подобию, так и все остальное творение, вероятно, уподоблено было неким небесным образам.

Задача, как явствует, состояла в том, чтобы верно прочесть и истолковать книгу природы, так же, как читались и толковались книги Священного Писания, тем более, что последние именно к этому, как кажется, и побуждали: *Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы, так что они безответны* [Рим. 1:20]. Древним мифам и легендам, слишком многочисленным, а порой и слишком хорошо известным, чтобы бесследно исчезнуть, также суждено было подвергнуться этой «физиологической» процедуре – будучи рассмотрены в качестве аллегорий, они оказывались уже не столь далеки от новой идеологии.

Изначально заложенный в Библии символизм действовал в *Физиологе* на новом уровне, помогая увидеть скрытый смысл в неподобных образах, когда за сугубо материальным обликом животных, растений и камней скрывались догматические и нравственные понятия, через познание которых человек приобщался к высшему знанию и Божественной истине. Если это и не увеличивало прямо шансы на Спасение, то, по крайней мере, давало большую надежду. К тому же, сам процесс постижения был духовной работой, упражнением, сродни Великому Деланию алхимиков в последующие века, а значит, важным самим по себе. На практике же подобный подход позволял преодолеть интеллектуальную пропасть между миром сущего и миром вечного, между реальностью и догмой, то есть объяснить метафизическое через физическое. Кроме того, постичь аллегорию означало и постичь отношение соответствия, мысленной пропорциональности, а затем ощутить эстетическое наслаждение от этого соответствия, которое включало в себя и усилие истолкования.

Физиолог, таким образом, был не просто натуралистом или естествоиспытателем, но философом природы, интерпретировавшим окружающий мир метафизически, нравственно, религиозно, соотносивший буквальное и аллегорическое, означающее и означаемое. В известной мере это перекликается с тем, что сегодня назвали бы семиотикой природы, с той лишь разницей, что тогда это носило сугубо практический характер, то есть преследовало нравственно-просветительские цели.

Скажем, природа пантеры в соответствующей главе *Физиолога* призвана была олицетворять символически важнейшие атрибуты Христа, а именно: она – Христос воскресший («если же поела и сделалась сытой, тотчас засыпает в норе своей и на третий день восстает ото сна, как и Спаситель наш»); Христос, несущий благовест («восстала ото сна на третий день, выходит наружу и возглашает громким голосом, и из голоса ее всякое благоухание исходит»); Христос-Бог, исполненный совершенства («всевозможно многоцветна она [...] и обликом прекрасна»); Христос-Спаситель, враг дьявола («всем животным она – друг, враг же дракону»). Важна и неожиданность, причудливость символа, делавшая его более осязаемым и побуждающим читателя или слушателя к его истолкованию.

Такой «физиологический» метод прочтения, а вернее, восприятия, распространился по всему средневековому христианскому миру, в котором реальное, воплощенное в природе, и Божественное, воплощенное в Библии, образовывали неразрывное целое. Разумеется, свою роль сыграли здесь и сами условия жизни, особенно в раннее Средневековье – эпоху бесконечных войн и упадка, неурожаев, набегов, болезней и прочих бедствий. Выработка определенного набора символов может рассматриваться как образная реакция на это ощущение кризиса. В символическом мировосприятии природа, даже в самых грозных своих проявлениях, трактовалась как некоторая система знаков, с помощью которой Творец сообщал людям об упорядоченности этого мира, о сверхъестественных ценностях, о том, что надо сделать, чтобы найти в этом мире верный путь и обрести Спасение. Окружающие человека вещи могли вызывать

недоверие из-за их кажущегося беспорядка, бренности, враждебности, но на самом деле всякая вещь была не тем, чем она казалась, но всегда предполагала что-то иное. Следовательно, надежда могла вернуться в мир, ведь он представлял собой разговор Бога с человеком.

ФИЗИОЛОГИЯ СМЫСЛА

Многоуровневая интерпретация смысла нашла отражение не только в интуитивном мировосприятии, но и в официальной церковной доктрине. Еще Блаженный Августин (354—430) указывал, что Ветхий Завет мог и должен был истолковываться четырьмя способами: согласно истории, этиологии, аналогии и аллегории. Историческое толкование подразумевало буквальное прочтение написанного; этиологическое искало причины произошедшего; аналогическое снимало противоречия между Ветхим и Новым Заветами; аллегорическое демонстрировало фигуральную символичность изложенного [*О пользе веры* V].

Полтора веками позднее Святой Григорий Великий (ок. 540—604), говоря об универсальности Священного Писания, замечал: своими неясными утверждениями оно испытывало сильных, но в то же время не настолько скрыто, чтобы его боялись, и не настолько открыто, чтобы его презирали. Писание превосходило все формы знания самым своим стилем, поскольку в одном и том же речении и указывало на событие, и обнаруживало тайну, а повествуя о прошлом, возвещало будущее [*Моралии на книгу Иова* XX, 1].

В итоге четыре уровня смысла, а вернее, четыре способа интерпретации сформировались следующим образом (в иерархическом порядке от низшего к высшему): буквальный, или реально-исторический; аллегорический, или мистико-метафорический; тропологический, или морально-нравоучительный; анагогический, или духовно-эсхатологический. Закрепилось такое различие и в монументальной *Сумме богословия* Святого Фомы Аквинского (1225—1274).

С одной стороны, многозначность текста создавала путаницу, вводила в заблуждение и сводила на нет всю аргументацию, из чего следовало, что результатом многозначности и было заблуждение, а вовсе не доказательство. Но с другой стороны, автор Писания – Бог, который властен был выражать то, что Ему угодно выразить, не только посредством слов (что дано и человеку), но и посредством самих вещей, буквально, что само по себе можно было понимать в разных значениях – исторически, этиологически и аналогически. В той мере, в которой Ветхий Завет был прообразом Завета Нового, речь шла уже о смысле аллегорическом. Деяния Христа как руководство для наших собственных действий – это смысл тропологический. Наконец, в том, что все описанное указывало на вечную славу, заключалась аналогия [*Сумма богословия* I, 1, 10].

Вездесущий символизм может сегодня показаться нарочитым и неестественным, но для Средневековья он был живым дыханием мысли. Привычка видеть все вещи лишь в их познаваемой связи друг с другом и в их соотношении с вечностью поддерживала в мире умопостигаемых образов великолепие красок и давала возможность переходить нечетко очерченные границы.

Жизненная ценность символического толкования всего вокруг была неиссякаемой. Символизм, охватив собой и природу, и историю, создал видение мира более строгое в своем единстве и внутренней обусловленности, чем это способно было бы сделать естественнонаучное мышление, основанное на причинности. В пространстве и времени появился нерушимый порядок, архитектурное членение, иерархическая субординация. Ибо всякая символическая связь необходимо предполагала наличие высшего и низшего: равноценные вещи не могли быть символами друг друга. В символическом мышлении существовало неисчислимое многообразие отношений между вещами – каждая вещь со своими различными свойствами могла быть символом множества других вещей, а одно и то же свойство могло обозначать несхожие вещи. Символов же, которыми наделяются вещи более высокого ранга, и вовсе бесконечно много. Ничто не являлось столь низким, чтобы не знаменоваться собой нечто возвышенное и не служить бы его прославлению.

Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан [1 Кор. 13:12]. Для средневекового сознания любая вещь была бы бессмысленной, если бы значение ее исчерпывалось непосредственной функцией и внешней формой; с другой стороны, при этом все вещи целиком пребывали в действительном мире. Но тут не было противоречия – средневековый человек жил в пространстве, насыщенном знаками и иносказаниями, полном смысловых отсылок и проявлений Божественного в обыденном, в природе, постоянно говорившей на геральдическом языке.

Сегодня этот язык по большей части утрачен, и хотя мы по-прежнему распознаем символы вокруг нас, содержание их уже совершенно иное – в силу иных знаний и способов восприятия, вообще другой картины мира. Например, синий цвет нам представляется холодным, в Средневековье же он был теплым, цветом воздуха, теплого и сухого. Число двенадцать в большей степени отражало идею целостности и законченности, чем нынешнее десять. Символ всегда был весомее и подлиннее реальной вещи, которую он должен был представлять, потому что сама истина находилась вне реальности, в мире высшего порядка. Истинное и реальное были противопоставлены.

Физиолог: натурфилософия и символизм

Ясной, четкой и последовательной символической системы в *Физиологе* нет, что является еще одной его типично средневековой чертой. Несмотря на идеологическое единство, единой высшей логики, единого набора общепринятых аналитических процедур (в нашем современном их понимании) тогда не существовало. Между поведением всякого животного как таковым и его нравственным смыслом всегда была некая связь, но связь эта не была продиктована внутренней необходимостью – она изменчива и произвольна, а порой и случайна.

Наглядный пример такой неопределенности, а именно, когда смешаны два диаметрально противоположных варианта, можно найти в толковании *Физиолога* о нильве, звере, который пробирается в глотку спящего крокодила и убивает его, вытаскивая внутренности. С одной стороны, крокодил, как всякое чудовище, ассоциируется с преисподней, а нильв – с Христом, выводящим из нее души: «смерть и преисподняя образ имеют крокодила, который враждебен Господу Спасителю нашему... Иисус Христос, приняв земное тело, сходил в преисподнюю, разрушив все внутренности ее, до тех пор, пока не выхватил и не вывел тех, кто прежде умер, согласно святым обещаниям». С другой стороны, в поведении нильва недвусмысленно проследживается и момент вероломства и ничем не спровоцированной жестокости, в силу чего уже он сам уподобляется «преисподней непознаваемой, выхватывающей душу всякую и умерщвляющей».

Другой очевидный пример – пантера и кит. Из рта обоих исходит дивное благоухание, влекущее к ним всех прочих животных. Однако употребляют они это полезное свойство совершенно по-разному. Пантера – это «животное тихое, спокойное и чрезвычайно кроткое», никому не причиняющее вреда, а другие звери за ней просто следуют (хотя у более ранних греко-римских авторов это был свирепый хищник, использовавший свой запах в качестве приманки). Кит же, напротив, раскрывает рот и ждет, пока мелкие рыбы там не соберутся, затем «закрывает рот свой и проглатывает мелких всех этих рыбешек». В первом случае благоухание олицетворяет благие речи, во втором – «желания и искушения, словно запахи дьявольского коварства».

С точки зрения современной науки, вообще современного здравого смысла, истории *Физиолога* почти всегда неправдоподобны, однако считать их плодом невежества или художественного вымысла было бы неверно, как, впрочем, и всякую экзегезу. *Физиолог* – это сочинение все же не о природе, а о герменевтике природы. Его можно было бы сравнить с басней, столь же морализаторской и не обремененной чрезмерным сходством с реальностью, но в отличие от последней, где животным отведены определенные роли согласно дидактическому замыслу, здесь они вообще не вовлечены в действие, а урок извлекается не из самих историй, а из тех природных явлений, которые эти истории (предположительно) описывают.

Названия многих животных *Физиолога* вполне знакомы современному читателю, но лишь в редких случаях можно говорить о более или менее точном соответствии, особенно, учитывая их свойства, как правило, неизвестные сегодняшней зоологии. Парадокс состоит в том, что, интерпретируя природу, *Физиолог* не принимает во внимание реальные характеристики реальных животных – они попросту несущественны, коль скоро речь идет об идеальном Божественном замысле, а не о его физическом воплощении. Это и есть истинная «физиология». Кроме того, воображаемое всегда является частью реальности, само по себе – реальность.

В этой связи нельзя не сказать и о двух разных комплексах представлений о природе в Средние века, с обоими из которых связан *Физиолог*, и которые до некоторой степени определяют его специфику, – условно их можно обозначить как книжно-теоретические, то есть идущие еще из античной традиции, и народно-практические, сложившиеся из непосредственных наблюдений и мифологических воззрений. Эмпирический метод, некогда лежавший в основе

первых, оказался всецело заменен репутацией авторов, в то время, как в случае со вторыми попытки анализа и систематизации уступили место аналогиям и вере в сверхъестественное.

Эти две системы знаний не находились в полной изоляции друг от друга, но и не смешивались. Так, средневековый читатель, смотря на изображение бобра в бестиарии, обычно видел некое хищное животное, больше похожее на собаку, а вовсе не на тех бобров, которых он мог наблюдать воочию. И тут снова нет противоречия: бобр книжной миниатюры – это бобр книжных представлений, существовавший в параллельной книжной реальности неоплатонизма; реальный же бобр – это зверь, родственный ему по происхождению и по природе, но все же другой. Тем более это касалось и животных, которых сегодня принято считать фантастическими, вроде крылатой змеи или феникса. Независимо от того, насколько часто они встречались на самом деле, их существование в рамках книжной, ученой традиции не подвергалось сомнению. В этом смысле вся средневековая культура представляла собой не столько размышление о реальности, сколько комментарий к определенному культурному наследию.

Иным было и само понимание реальности. Физическая, измеряемая реальность бренна и преходяща, будучи в такой перспективе менее значимой, чем реальность высшая, небесная. В итоге, всякая вещь обладала действенной ценностью лишь настолько, насколько она содействовала духовному восхождению, всякая красота являлась таковой лишь при виде Божественного Света, всякое искусство было излучением души, черпаемым у Божественного очага...

Что же касается собственно отбора материала, то в одних случаях, как представляется, автор *Физиолога* заимствовал его из Библии, а затем находил нужные аналогии у античных авторов-натуралистов, в других же, напротив, пересказывал полунаучные-полуморализаторские истории из известных сочинений, как классических, так и восточных и египетских, и придавал им религиозную окраску. Не исключено, конечно, что некоторые наблюдения были сделаны непосредственно с натуры – все животные, кроме двух (антилопы и бобра), встречались в ту эпоху в Северной Африке, родине *Физиолога* – однако сама книжная суть трактата плохо соответствует такому предположению.

Больше всего общих мест имеется в *Естественной истории* Плиния (ок. 23—79) – первой настоящей энциклопедии в истории Запада, в то время, как *История животных* Элиана (ок. 170—после 222) полна дидактических сопоставлений между поведением людей и животных. Параллели из этих и других ключевых сочинений греческих и римских авторов, от Аристотеля до Оппиана и от Эзопа до Ювенала, приводятся в хронологическом порядке в примечаниях к каждой главе следующего ниже перевода, коль скоро они предположительно послужили источником для натурфилософской части *Физиолога* или, во всяком случае, восходят к общим первоисточникам. Эти выдержки наглядно демонстрируют, как изменялись в христианском восприятии (да и разнились в античном) образы одних и тех же животных, а главное – как из объектов изучения превращались они в объекты истолкования. Цитаты, как правило, ограничены рамками материала, имеющегося в самом *Физиологе*, автор которого перенимал порой лишь малую толику доступных сведений, а именно, то, что лучше всего подходило для аллегорической трактовки.

Физиология царя зверей

Разберем более подробно случай льва, с которого начинаются едва ли не все варианты и списки *Физиолога* и большинство производных сочинений. Приблизительно с XI века он превращается в первого из всех зверей в средневековой Европе, каковая символическая нагрузка остается за ним по сей день, хотя основания для нее далеко не очевидны. В геральдике – одном из воплощений практического символизма – лев становится самой распространенной фигурой, присутствуя более, чем на 15% гербов (следующее за ним животное – орел, всего с 3%). Еще чаще встречается он в книжных миниатюрах, на гобеленах, в виде скульптур, барельефов, лепнины на светских зданиях и надгробиях, в церквях – снаружи и внутри, в нефе и на хорах, на полу, стенах, потолке, дверях и окнах. При этом, мало кто видит львов воочию, знают о них только по рассказам; в дикой природе Европы они исчезли еще в греко-римские времена, оставшись лишь в немногочисленных зверинцах на рынках и ярмарках.

В античной традиции лев никогда не занимал особого положения, не был даже первым среди равных. Главным животным у римлян служил орел, у германцев – медведь, а у кельтов – вепрь. В Библии лев упоминается часто (но не чаще всех), однако предстает как в положительном свете, так и – куда привычнее – в отрицательном. В Ветхом Завете лев обычно опасный, жестокий, свирепый, хитрый, нечестивый, олицетворяющий силы зла, врагов народа израильского, тиранов и дурных царей, вообще людей, живущих в пороке. Одновременно есть и добрый лев, который служит силой своей общему благу, и рычание его являет слово Божие, самое отважное из всех животных, ассоциирующееся с Давидом и его потомками, даже с Христом. Среди ранних Отцов Церкви единства по этому поводу тоже нет, но большинство все же видят во льве дьявольского зверя.

Иными словами, напрашивается вопрос о том, как в таких не особенно благоприятных обстоятельствах лев занимает в итоге свое лидирующее положение. Физиолог, вероятно, не первый, кто однозначно сопоставляет льва и Христа, но почти наверняка распространению этого образа Средневековье обязано именно ему. Лев, заметающий хвостом следы, чтобы сбить с толку охотников, – это Христос, который скрывает свою Божественность, облакаясь плотью во чреве Марии; он тайно перевоплощается в человека, чтобы тем самым ввести в заблуждение Дьявола. Лев, спящий с открытыми глазами, – это Христос в склепе: человеческая его оболочка покоится, но Божественная природа бодрствует. Лев, который на третий день оживает дыханием своих мертворожденных детенышей, олицетворяет Воскрешение. Лев-Христос становится царем львом.

Но как быть с негативными характеристиками льва? Решение находится простое и элегантное – вполне в духе Средневековья он превращается в отдельное животное, с собственным именем, чтобы не путать его со львом христологическим. Так появляется леопард – строго говоря, плод союза львицы с самцом пантеры – обладающий многими качествами и внешними формальными признаками льва (кроме гривы), но отличающийся дурной натурой. Много позднее это имя получит и вполне реальное животное.

Геральдический леопард – это в сущности лев, изображенный в профиль, но с головой в анфас, в то время, как у истинного льва и голова, и тело всегда в профиль. В средневековой зооморфной иконографии постановка животного в анфас почти неизменно имеет уничижительное значение.

Физиолог: версии и переводы

Подобно большинству текстов рукописной традиции, *Физиолог* – это целая библиотека, а не одно произведение. Он существует во множестве списков и версий, как почти идентичных, так и едва схожих, в связи с чем возникает проблема, какой из вариантов можно считать первоначальным или наиболее близким первоначальному. Самой первой рукописи, написанной рукой самого Физиолога – кем бы он ни был – не сохранилось, как обычно и бывает в таких случаях, остальные же так или иначе группируются по генеалогическому принципу, то есть в соответствии с тем, какие списки с каких протографов были переписаны. При этом, наиболее древняя рукопись вовсе не обязательно, конечно, содержит наиболее древнюю редакцию.

Греческий текст *Физиолога* сохранился в семидесяти семи рукописях, в основном средневековых. За исключением двух стихотворных вариантов текст этот прозаический и изначально, кажется, не содержал иллюстраций. По крайней мере, древнейшая иллюстрированная рукопись – уже латинская, а из всех греческих иллюстрации встречаются лишь в двенадцати. Ни один текст не совпадает полностью с другим, но их принято объединять в три или четыре версии, каждая из которых далее подразделяется на семь.

Количество глав в разных рукописях *Физиолога*, и даже в разных редакциях и семьях, тоже различно – от двадцати одной до сорока восьми (в случае единственной рукописи – сорока девяти). По-видимому, первым составом следует считать именно сорок восемь глав. Из них сорок посвящено зверям и птицам, шесть – камням и две – растениям. Структура каждой главы почти всегда неизменна и явным образом распадается на две соразмерные по объему части – натурфилософскую, описывающую свойства (главным образом, этологические) соответствующих животных, и дидактическую, трактующую эти свойства в рамках религиозного символизма. Вторая часть, в свою очередь, часто разделяется на собственно богословскую, анагогическую, и моральную, учительную.

В составе и расположении глав в большинстве версий трудно угадать какую бы то ни было систему, естественнонаучную или богословскую, разве что библейские цитаты в натурфилософских пассажах взяты в основном из Ветхого Завета, а в символических – из Нового. Иногда животные группируются по свойствам, иногда – по общим цитатам, иногда – по дидактическим выводам, но никогда в этом не прослеживается неизменной структуры.

В течение IV—V веков *Физиолог* расширяет границы своего влияния. Появляются переводы греческого текста (уже сделанные с разных редакций) на эфиопский, сирийский, армянский, коптский, арабский и грузинский языки, что кладет начало независимому параллельному развитию разноязычных версий.

С течением времени трактат появляется практически на всех народных европейских языках. Первым таким переводом становится англо-саксонский, датируемый второй половиной VIII века. Он же и самый краткий из всех и включает всего три стихотворных главы – о пантере, ките и птице (предположительно куропатке или фениксе). Вполне в духе древнегерманской поэтической традиции, этот текст предназначается, по-видимому, прежде всего для публичной декламации.

Несмотря на то, что англо-саксонскую версию объединяют с другими *Физиологами*, обращение с изначальным материалом в ней более, чем вольное, что, однако, нельзя назвать чем-то исключительным. Подобно тому, как сам *Физиолог* есть амальгама различных влияний, так и его версии и переводы с легкостью изменяются и приспособляются к разным культурам, будучи не только – а порой и не столько – источником информации, но и вдохновения.

Впоследствии *Физиолог* (более или менее) полностью переводится – в числе прочих – на среднеанглийский, древневерхненемецкий, фламандский, провансальский, голландский,

старофранцузский, итальянский, исландский, румынский, сербский и старославянский языки. В последнем случае перевод осуществляется в Болгарии в X—XI веках, а одним или двумя столетиями позже перерабатывается на Руси. Делаются и переводы с переводов.

Физиолог и бестиарий

На некотором этапе, в контексте все более обширной литературы, как натурфилософской, так и богословской, *Физиолог* начинает терять свое значение как самостоятельное произведение. В одних случаях он вливается – целиком или фрагментарно – во всевозможные средневековые энциклопедии, компиляции и трактаты, а в других плавно превращается в ранние версии бестиариев, которые появляются в XI—XII веках в Англии, Франции, Фландрии, Германии, Богемии и Северной Италии.

В широком смысле под бестиарием понимается всякое компилятивное сочинение о природе, но, строго говоря, собственно бестиарий (*liber bestiarum*), то есть зверинец, посвящен только зверям, в то время, как птицы оказываются помещенными в авиарий, растения – в гербарий, а минералы – в лапидарий. Часто эти жанры соединяются вместе, иногда же бытуют по отдельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.